

Ольга Трушкина

Приключения гламурного грузчика

Роман-фельетон

Ольга Трушкина

**Приключения гламурного
грузчика. Роман-фельетон**

«Издательские решения»

Трушкина О.

Приключения гламурного грузчика. Роман-фельетон /
О. Трушкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836309-2

Кружкин внимательно огляделся по сторонам и убедился, что на складе он один. Тогда мужчина быстро приподнял металлическую стремянку и изо всех сил швырнул ее на плиточный пол, а сам тут же прилег рядышком, в обнимку с банкой краски. На шум сразу прибежала завскладом Марина Адольфовна. Услышав ее шаги, Генрих закатил глаза, откинул голову назад и беспомощно разбросал руки и ноги. При виде бездыханного распластанного тела завскладом дико закричала. На ее вопль сбежался весь персонал магазина.

ISBN 978-5-44-836309-2

© Трушкина О.
© Издательские решения

Содержание

История первая. Каникулы с доктором Шприцем	6
История вторая. Женидьба Генриха Валентиновича	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Приключения гламурного грузчика

Роман-фельетон

Ольга Трушкина

© Ольга Трушкина, 2017

ISBN 978-5-4483-6309-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Какой мужчина! – подумал Генрих Валентинович, разглядывая себя в большом старинном зеркале, висевшем в гостиной.

Он недавно вернулся из отпуска, который, на этот раз, проводил у моря. Но надежды мужчины на перспективное знакомство с милой дамой не оправдались. И виноват в этом был, конечно же, его новый знакомый, доктор Шприц.

История первая. Каникулы с доктором Шприцем

Доктор Шприц сошел с трапа самолета и направился в здание аэропорта вместе с другими пассажирами. Пока ожидали багаж, Демид Уколович опять думал о своей жене. Настроение у старика было отвратительное. Недавно его бросила, вернее даже сказать, от него сбежала, обожаемая супруга, Василиса Абрамовна.

Для престарелого доктора это был тяжелый удар судьбы. Уже прошло полгода, а он все не мог придти в себя.

Тем временем, Демид Уколович получил багаж и направился к остановке автобуса. Там толпился народ.

Для тех читателей, кто не знаком с доктором Шприцем, сообщаю, что Демид Уколович – маленький, худенький, сморщенный старичок семидесяти лет, почти совершенно лысый, но, зато с косматыми седыми бровями, нависающими над старомодными круглыми очками в железной оправе. Очки эти покоятся на громадном горбатом носу, а из-под них хитро поблескивают маленькие умные глазки. Завершает эту замечательную физиономию гордо торчащая вперед козлиная борода. Надо заметить, что и голос достопочтенного эскулапа вполне соответствует его бороде.

В тот день одет Демид Уколович был, как всегда, шикарно. Не смотря на тридцатиградусную июльскую жару, на нем был коротенький стариковский плащик морковного цвета, из-под которого выглядывали худые кривенькие ножки в синих брюках. Тощую шею обвивало парижское шелковое кашне с изображением Эйфелевой башни. А на ногах красовались яркие новенькие китайские кеды.

В правой руке Шприц нес старинный фибровый чемоданчик с курортными принадлежностями, в левой – свежие газеты, свернутые в трубочку. Его стиль одежды невольно привлекал взгляды прохожих.

Не успел Демид Уколович простоять и пяти минут на автобусной остановке, как к нему подошла мордастая бабка в косынке и спросила:

– Что, молодой человек? Отдыхать приехали? Комната не потребуется? Сто метров от моря!

– Вы очень любезны, мне как раз негде остановиться, а сколько вы за нее просите?

– Не бойсь, не обижу! Цены самые низкие на всем Черноморском побережье! Пошли скорей, машина ждет!

Бабка энергично потащила его за рукав к стоящим невдалеке «Жигулям».

Комната оказалась уж очень маленькой, с единственным узким окошком. Вся мебель состояла из двух довоенных железных кроватей, стоящих вдоль стен, тумбочки и гардероба. Под низким потолком сиротливо висела одинокая лампочка без абажура.

– А зачем же здесь вторая кровать?

– А это так просто, для мебели, – пояснила бабка, – попрошу уплатить мне денежки вперед, у нас так принято!

Когда она ушла, Демид Уколович снял плащик, аккуратно повесил в шкаф. Затем открыл чемодан, достал необходимые для посещения пляжа вещи: ярко-красные плавки, светлые брюки, белую хлопчатую футболку с изображением жирного бульдога и зеленые резиновые шлепанцы. Переодевшись, Шприц понял, что чего-то не хватает. Он порылся в чемодане и извлек оттуда музейную редкость – колонизаторский пробковый шлем. Водрузив сей убор на голову, сложил оставшиеся вещи обратно, поставил чемодан в шкаф и, предвкушая заранее удовольствие от морского купания, отправился на пляж.

Когда насытившийся морем и солнцем старик вернулся в свое временное пристанище, его ждал неприятный сюрприз, в виде мирно спящего на соседней кровати белобрысого молодого человека. Возмущению Шприца не было предела

– Хозяйка! Хозяйка – грозно закричал он, но никто не ответил, а спящий молодой человек даже не проснулся.

– Хозяйка!!! – он заорал еще громче. В коридоре послышались тяжелые шаги, в дверь просунулась усатая красная морда.

Кто вы такой? – возмущенно спросил Демид Уколович.

Тут в комнату вошел весь владелец морды и сказал:

– Я – Юра!

– И что из того, что вы Юра? Где хозяйка? И почему в моей комнате спит какой-то посторонний юноша?

– Хозяйка, тетя Люся, только что уехала, а я – вместо нее, сын ее – Юра. А парнишка этот, вовсе не посторонний, а такой же, как и вы постоялец. Уплатил денежки сполна и спокойно отдыхает, а вы тут кричите, почем зря!

– Мы так не договаривались, – возразил доктор.

– А вот хозяйка придет, с ней и разбирайтесь, откуда мне знать, о чем вы тут столковались. Я пойду, приятных снов!

Юра ушел и закрыл за собою дверь. Демид Уколович с досадой посмотрел на так и не проснувшегося соседа, тяжело вздохнул и лег спать.

Следующие два дня пролетели для доктора спокойно и незаметно. Ничто, даже присутствие молодого человека не смогло омрачить его беззаботный отдых. Целыми днями старик нежился на солнце, купался в теплом море и только вечером приходил домой, ложился и тут же засыпал. Воспоминания о бросившей его жене больше не тревожили его.

Третье курортное утро начиналось, как обычно. Погода была прекрасная. Демиду Уколовича разбудил солнечный луч, падавший из щели между занавесками ему прямо на лицо. Ласковое прикосновение утреннего солнышка заставило Шприца лениво улыбнуться. Он сел на постели, потянулся и посмотрел на своего соседа. Парень спал сном праведника. Доктор тихонечко, чтобы не разбудить спящего, оделся и вышел в коридор.

Тут его внимание привлекли громкие голоса, доносившиеся из противоположного конца коридора. Там на повышенных тонах разговаривали Юра и уборщица Сусанна, по прозвищу курдошка Сью. Хозяин за что-то ее отчитывал, не стесняясь в выражениях.

Доктор встречал ее уже не раз не только в доме, но и на пляже, где женщина приторговывала пирожками и вареной кукурузой.

Он не мог спокойно смотреть, как обижают беззащитную женщину, и решил вмешаться в разговор:

– Молодой человек, мужчине не подобает разговаривать с женщиной в таком тоне!

– Не учи ученого, – огрызнулся хозяин, но замолчал и ушел на кухню.

Курдошка Сью благодарно улыбнулась доктору и продолжила уборку коридора.

Уколыч умылся, позавтракал в ближайшем кафе и, как обычно, отправился на пляж. Он расстелил полотенце и улегся на него вниз животом. В голову снова лезли мысли о коварной супруге. Размышления старого доктора прервал чей-то гулкий бас:

– Здравствуйте, дорогой сосед! Узнаете? Мы с вами третий день в одной комнате живем, да так и не познакомились. Нехорошо как-то.

Уколыч узнал своего белобрысого соседа, улыбнулся и протянул ему руку.

– Демид Уколович Шприц. Можно дядя Дема.

– Михаил Петров. Можно просто Миша. Я недавно защитил диплом юриста, и первое время отсыпаюсь, уж очень переутомился.

Они обменялись крепким мужским рукопожатием. Парень присел на песок рядом с доктором, завязалась дружеская беседа.

Когда они вдоволь наговорились и накупались, Демид Уколович покинул пляж и вернулся домой. Был полдень. Большинство постояльцев в это время отдыхали на море, но одного из них Демид Уколович встретил в коридоре.

Это был одинокий мужчина, который остановился в комнате напротив. У доктора этот тип вызывал наибольший интерес, он немедленно решил с ним познакомиться. Внешне это был типичный интеллигент: высокий, тощий дядечка в очочках, лет сорока – сорока пяти. Одевался очень прилично, но совсем не по-пляжному: всегда в рубашечке и при галстуке.

Демид Уколович широко улыбнулся и открыл рот для приветствия. Но мужчина прошел мимо него, словно не заметив, в свою комнату. Доктор тихонько постучался в дверь.

– М-дя, да что ж такое то?! – донесся скрипучий голос, заранее раздраженный неожиданным вторжением.

– Можно мне войти?

– Ах, да! Это вы, профессор?

– Не совсем, я обычный лечащий врач, Демид Уколович Шприц. Вот, пришел познакомиться с вами.

– Очень рад. Ах да, я забыл представиться. Генрих Валентинович Кружкин, – он протянул доктору унизанную перстнями, узенькую ладошку.

– Позвольте вас спросить, уважаемый. Почему вы не на пляже? Погода великолепная, все купаются и загорают.

– Ничего странного. Видите ли, милейший, я просто не переношу жары, у меня большое сердце, нельзя перегреваться. Посещаю пляж лишь рано утром и после заката солнца.

– Все ясно. А не желаете ли вы прогуляться со мной вместе вечером? Я здесь никого не знаю, а мой сосед по комнате – совсем юный мальчик, у нас разные интересы. Заметил, что вы, как и я, прозябаете в гордом одиночестве. А мы могли бы вместе гулять, рыбачить, посещать экскурсии.

– Это гениальная идея! Мне тоже будет приятно иметь такого спутника, как вы. Как раз сегодня вечером собирался пойти в кафе, надеюсь там познакомиться с какой-нибудь милой дамочкой. Будет здорово, если составите мне компанию.

– Ну, значит, договорились! Зайду за вами, как только стемнеет.

– Рад был познакомиться и побеседовать, но теперь мне пора. Я в это время хожу обедать. Может, сходим вместе?

– Да нет, что-то я еще не проголодался. Пойду к себе, отдохну.

Выйдя из комнаты, доктор увидел Михаила, оживленно беседующего с уборщицей, и решил к ним подойти.

– Здравствуйте, Сусанночка, вы сегодня прекрасно выглядите!

Некрасивая пожилая женщина в грязном фартуке смущенно заулыбалась, показав остатки желтых зубов.

– А вы давно знаете своих хозяев? – поинтересовался Демид Уколович.

– Уж десятый годок, почитай, пошел!

– А что, часто обижают?

– Да нет, не особенно. Мамаша-то вообще ангел небесный! Юра мужик хозяйственный, справный. Да уж и выпить не дурак, как напьется, так и начинает ко мне придирааться, и то ему не так, и это не этак! Прости господи, – она перекрестилась черной, заскорузлой рукой.

– А скоро ли хозяйка вернется?

– Не сегодня, так завтра! – при этих словах курдошка Сю громко высморкалась в застиранный фартук.

– Ну, ладно, не будем вас более беспокоить.

Демид Уколович и Миша пошли в свою комнату. Было жарко и скучно, есть не хотелось, и старик лег спать.

Проснулся он под вечер, когда усталое раскаленное солнце медленно опускалось за горизонт.

«Ну что ж, пора идти на прогулку, жара спала, в летнем кафе будет очень приятно посидеть и поболтать с новым знакомым», – подумал доктор.

Он быстро встал, принарядился, пшикнулся одеколоном «Шипр» и вышел в коридор. Там его уже поджидал расфуфыренный в пух и прах Генрих Валентинович. На нем были модные джинсы и яркая рубашка-тропиканка, тощие длинные руки щедро украшены многочисленными кольцами и браслетами, которые сверкали и звенели, словно новогодние игрушки на елке.

– Ух, ты, какой франт, мне до вас далеко, – улыбнулся Демид Уколович, и они не спеша направились кафе.

Мужчины довольно приятно провели вечер, весело беседа и потягивая пиво, но познакомиться с дамами на этот раз не удалось.

Так доктор Шприц и Генрих Валентинович подружились. Они везде стали появляться вместе: на пляже, в парке, в кафе.

Кружкин беспрерывно рассказывал доктору о своих необычайных подвигах во время службы в горячих точках, хотя на самом деле никогда не служил в армии по причине плоскостопия. Он просто бессовестно врал и хвастал. Говорил, что был лучшим снайпером в полку, и, как-то раз, сидя в засаде в одиночку перестрелял целый отряд чеченских боевиков. За это ему присвоили звание героя. А однажды враги сбили вертолет, в котором летел Кружкин с другими российскими военными, машина рухнула на землю, все погибли, кроме Генриха. Кружкин отделался легким испугом и сломанной ногой.

Он постоянно показывал доктору левую лодыжку, в которой, якобы, вместо кости был вставлен металлический стержень.

Шприц поначалу искренне восхищался мужеством и отвагой своего нового товарища, и, в свою очередь потчевал его невыдуманными историями из своей медицинской практики.

Так они весело и интересно проводили свой отдых.

Однажды Генрих Валентинович по секрету рассказал Демиду Уколовичу о том, что дал объявление в местную газету о знакомстве. Оно гласило:

Познакомлюсь с милой дамой до сорока лет, для приятного времяпрепровождения.

Далее прилагался номер его мобильного.

Мужчина выразил уверенность, что скоро от желающих не будет отбоя, и он выберет себе богатую и привлекательную особу, которая сделает его отдых еще приятнее.

Этот разговор вскоре забылся.

Как-то раз друзья решили отправиться на рыбалку. Генрих часто хвастал, что он непревзойденный рыболов и не раз вылавливал огромных рыб. Шприц тоже любил рыбную ловлю. Они выпросили у Юры старую весельную лодку. Накануне вечером накопили червей возле курятника, приготовили удочки, и рано утром отправились в море.

Доктор сидел на веслах, Генрих Валентинович, размахивая длинными руками, разглагольствовал о способах ловли рыбы. Когда берег скрылся из виду, друзья закинули удочки и стали терпеливо ждать клева. Вдруг Кружкин удивленно сказал:

– А у меня ноги мокнули. Да что ж такое-то?

Доктор посмотрел вниз и с ужасом заметил, что лодка дала течь и постепенно наполняется водой.

– Срочно берите ведро и вычерпывайте воду, а я поищу, чем можно будет заткнуть отверстие.

Генрих страшно испугался, засуетился и вместо того, чтобы вычерпывать воду начал громко орать:

– Караул! Помогите! Тонем! Сос!

Тогда Шприц понял, что от приятеля толку мало, и начал вычерпывать воду сам. Старик был возмущен поведением Генриха Валентиновича, приказал ему заткнуться и помогать. Но тот не слушался, а продолжал размахивать руками и кричал:

– Чертов Юра, он нарочно подсунил дырявое корыто. Надеялся, что мы потонем, и тогда он присвоит наши вещички!

При этом Кружкин так сильно раскачивал лодку, что она зачерпнула бортом воду и стала медленно идти ко дну. Поблизости, как назло, не было ни одного суденышка. Справа торчал одинокий утес. Помощи было ждать не от кого.

– Тонем! Прыгайте в воду и плывите к той скале! – скомандовал доктор.

– Я не умею плавать! Спасите меня! Я тону, – орал, дико барахтаясь и поднимая брызги, Кружкин. Он тут же наглотался воды и пошел ко дну. Подоспевший Шприц едва успел его подхватить. Утопающий судорожно вцепился доктору в шею и потащил в глубину. Рассерженный старик сильно ударил тонущего кулаком по башке, вынырнул и схватил за волосы обмякшее тело.

Вскоре Демид Уколович выбрался на узкий песчаный берег, волоча за собой Генриха. Пока Кружкин с обиженным видом выяснял, зачем его стукнули по голове, старик обследовал местность, где они оказались.

– Итак, друг мой, мы на острове, людей не видно. Значит, он необитаем. Придется нам пожить какое-то время робинзонами, пока нас не спасут. Думаю, долго ждать не придется, мы не далеко от берега. Если бы вы умели плавать, то мы могли бы спокойно добраться до пляжа. А теперь придется подождать, – и он растянулся на песке рядом с плачущим Генрихом. Старику почему-то вспомнился сериал «Остаться в живых». Он представил себя на месте своего коллеги Джека Шеппарда. Да ситуация не завидная! Но сдаваться нельзя! Нужно искать какой-то выход. Надеяться можно только на собственные силы.

«Ну и фрукт этот Генрих! Как не стыдно так себя вести, трусить и постоянно врать?! Семьдесят лет на свете живу, но такого еще не видел!» – возмущался про себя Шприц.

Солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. Хотелось пить и есть. Генрих вплотную прижался к скале, пытаясь найти хоть немного тени. При этом он держался за сердце, захватывал воздух широко открытым ртом, изображая сердечный приступ. Доктор Шприц молча подошел и осмотрел «умирающего».

– У вас все в порядке, пульс в норме. Хватит прикидываться! Со мной этот номер не пройдет! Я, как-никак, опытный врач! Вставайте, пойдём, обследуем остров.

Но в ответ Кружкин закатил глаза и откинул голову назад, показывая всем видом, что не в силах даже сдвинуться с места.

Шприц сплюнул в сторону:

– Ну и шут с вами! Пойду один!

И старик стал бодро карабкаться на скалу, нащупывая удобные выступы сухонькими ножками. Вскоре раздался его бодрый козлиный голос:

– Генрих! Мы не на острове! Это всего лишь скалистый выступ нашего пляжа! Мы почти дома, надо только подняться по склону и пройти через парк.

Кружкин моментально выздоровел и, с ловкостью горного барана, вскарабкался вслед за доктором. Через десять минут горе-рыболовы уже были дома. Генрих, со свойственным ему красноречием, долго рассказывал всем соседям о кораблекрушении, пребывании на необитаемом острове и чудесном спасении благодаря его мужеству и выдержке. Слушая такое бахвальство, Демид Уколович лишь усмехался в жидкую бороденку.

Но тут появился Юра и стал требовать компенсацию за утопленную лодку и моральный вред. Доктор уже было потянулся за кошельком, но неожиданно вмешался молодой юрист Миша Петров.

– Кто кому должен выплачивать компенсацию – вопрос спорный. Вы забыли, что по вашей вине чуть не утонули двое людей? Давая им дырявую лодку, вы подвергали их жизни смертельной опасности.

– Да откуда мне было знать, что она течет?

– Ты все прекрасно понимал, и еще месяц назад собирался отвезти эту рухлядь на свалку, сам мне об этом говорил. Просто решил срубить с них бабки, точно знал, что лодка потонет, – возразила курдочка Сью. Женщина как раз в это время мыла пол в коридоре.

После ее слов Юра смутился и ретировался. Конфликт был исчерпан.

Два дня Генрих избегал общения со Шприцем, а тот и не навязывал ему своего общества. Старик сильно разочаровался в новом приятеле.

На третий день, к вечеру, Кружкин, как ни в чем не бывало, ввалился в комнату к доктору с газетой в руках:

– Послушайте, вот наконец-то вышло мое объявление, и на него даже есть отклик. Конечно, я ожидал большей активности среди женского населения, но зато думаю, что клюнула крупная рыба. Ах, у нее такой голос! Чарующее контральто! Собирайтесь, сегодня мы идем на свидание, потому что милая дама придет с подругой!

Надо сказать, что Василиса Абрамовна, бывшая супруга Шприца, коварно бросившая его полгода назад, в это же самое время отдыхала с подругой в гостинице неподалеку.

Это была дородная пышногрудая дама пятидесяти лет от роду. Она отчаянно молодилась, втирая в свое весьма потрепанное лицо целые тонны дорогой косметики, тратила все свои деньги на модные наряды.

Василису не удовлетворяла жидкая растительность на голове, данная природой. Даме приходилось тщательно ее скрывать под пышным ярко-рыжим париком.

Примечательным был и ее голос, тембру и силе которого мог бы позавидовать сам Федор Шаляпин. В целом, глядя на Василису Абрамовну, можно было смело утверждать:

– Не перевелись еще богатыри на Земле Русской!

Зинаида Петровна, а для друзей – просто Зита, казалась полной противоположностью своей подруги. Это было маленькое хилое создание с длинным буратинским носом, крошечным ротиком и тихим вкрадчивым голоском. Свои длинные, крашенные в черный цвет волосы, она скручивала на затылке в виде кренделя. Обожала носить мини-юбочки, открывающие ее тощие узловатые коленки. Глядя на Зиту, прохожие часто шутили:

– Сзади пионерка, спереди – пенсионерка!

Целью приезда дам на курорт, был поиск состоятельных поклонников. Долгие и бесплодные хождения по пляжам, прогулки в парке и многочасовые сидения в кафе не принесли ожидаемых результатов. Вокруг всегда оказывалось немало более молодых и красивых девушек. Силы были неравные: две стареющие красотки остались без мужского внимания. Им не удалось подцепить даже самых захудалых кавалеров. На самом деле, Василиса уже давно жалела о том, что бросила своего небогатого, но доброго и любящего мужа. Но подруге она об этом не говорила.

– Надо сменить стратегию! Так у нас ничего не выйдет! – грустно возвестила басом мадам Шприц.

– Что ж нам делать-то, а? – пропищала Зита.

– Вот, смотри, я купила газету. Там есть объявления о знакомствах. Только так приличные дамы могут найти себе достойных женихов!

- Ну-ка, ну-ка, читай вслух! Это интересно, – попросила Зинаида Петровна.
- Смотри, кажется это нам подходит!
- «Познакомлюсь с милой дамой до сорока лет...» и тут есть телефончик!
- Там же сказано «до сорока лет»! – робко возразила Зита.
- Даме столько лет, насколько она выглядит! – ответила Василиса.
- Звони же поскорей! И попроси его прийти с другом!

В назначенное время Генрих Валентинович, звеня бижутерией, как коза колокольчиком, и сопровождающий его Демид Уколович, пришли в летнее кафе и заняли лучший столик. Приятели заказали пива и с нетерпением ожидали появления прекрасных незнакомок. Звучала песня Шуфутинского: «За милых дам».

И вот они появились: впереди величаво выступала гигантская Василиса в обтягивающем золотистом платье, за ее спиной робко пряталась маленькая Зита. На ней было белая кружевная блузка и непозволительно короткая юбочка. Они представляли собой незабываемое зрелище, достойное кисти художника.

Доктор сидел спиной к входу и не сразу их увидел, зато Генрих тут же вскочил, и галантно подав Василисе руку, повел дам к столу.

Когда новые знакомые уселись, Шприц потерял дар речи от неожиданности. Перед ним сидела его незабвенная и обожающая супруга.

Генрих все время что-то без умолку болтал, но его никто не слушал. Демид Уколович и Василиса Абрамовна не могли оторвать глаз друг от друга. Наконец, дама заговорила:

– Милый Демочка, как ты тут оказался? Неужели ты приехал за мной? Я так скучала по тебе!

– Да, да милая, и я не забывал о тебе ни на минуту.

Тут в разговор вступил Генрих Валентинович:

– Позвольте, доктор, это моя дама! Не смейте к ней приставать, займитесь лучше ее подругой!

– Ах ты, гнусный ловелас, это моя жена! – и тут старик изо всех сил заехал сухоньким кулачком в нос Генриха. Демид Уколович вложил в этот удар все накопившееся к Кружкину раздражение. Тот не удержал равновесие и свалился вместе со стулом, но в последний момент успел вцепиться в скатерть и потянул за собой весь стол. С грохотом повалилась на плиточный пол посуда, пролилось пиво. Генрих вскочил, и завязалась драка. Зита завизжала, Василиса захохотала басом, как Дед Мороз на детском утреннике:

– Хо, хо, хо!

Посетители вскочили с мест и окружили дерущихся, кто-то попытался их разнять, но Василиса не позволила. Вскоре исход поединка стал ясен. Доктор одержал безоговорочную победу: он сидел верхом на Генрихе и молотил его кулачками, приговаривая:

– Вот тебе, вот тебе, будешь знать, как врать, хвастать и ухлестывать за чужими женами!

– Рукоприкладство – это не метод! Надо решать все проблемы мирным путем! – орал избиваемый.

– Отпусти его, Дема! – величественно приказала Василиса, – достаточно.

И помирившиеся супруги удалились рука об руку, под аплодисменты и восторженные крики отдыхающих. Демид Уколович едва доставал головой до плеча своей роскошной супруги и когда пытался поцеловать ее в щеку, ему приходилось подпрыгивать.

На следующее утро влюбленная пара улетела домой в Москву. Так счастливо завершились каникулы доктора.

История вторая. Женитьба Генриха Валентиновича

– Зря я связался с этим старым хрычом. Мало того, что всю охоту мне испортил, так еще и в море чуть не утопил. Да, до чего мерзкий докторишка! Надо мне впредь быть более разборчивым в выборе знакомых. М-дя!

Отражение в зеркале очень нравилось Генриху. Чтобы ни было, но отдых пошел ему на пользу. Он сильно загорел и еще больше похудел, что придавало ему значительное сходство с засушенной саранчой. Треугольное, обтянутое коричневой кожей, личико и большие круглые очки подчеркивали это сходство. Его громадный мягкий нос приобрел приятный малиновый оттенок и стал похож на большую перезревшую клубничину.

Оставшись очень довольным собой, Кружкин отошел от зеркала, сел в мягкое кресло и начал обдумывать планы на будущее.

Незадолго до смерти мама Генриха, Нина Ричардовна, дала ему устный завет:

– Смотри сыночко, не женись! Охверистка попадется, облопошит!

О матушке Генриха, пожалуй, тоже стоит немного рассказать. Это была очень своеобразная женщина с большими странностями и неприятными привычками.

В комнате, в которой она жила в последние годы, было всего столько поставлено, что она больше напоминала склад, чем жилище человека. На полу расстелен грязный, давно нечищенный бурый с узорами ковер. По коврику висело на каждой стенке. А еще три стояли, свернутые рулонами, у стены за тахтой, на которой и спала хозяйка комнаты, маленькая тощая старушонка Нина Ричардовна. Под самой же тахтой плотно стояли трехлитровые баллоны с огурцами, их было огромное количество, те что не поместились под старушечьим ложем – сиротливо толпились у окна. Все они были закатаны не прошлым и даже не позапрошлым летом, а гораздо раньше. Их содержимое, судя по всему стало непригодным в пищу, но Нине Ричардовне было жаль их выбросить. До этого ей было жалко их открыть и употребить в пищу, а теперь стало жалко выкинуть. Время от времени какой-нибудь баллон взрывался, вонючий тухлый рассол проливался на ковер. Нина Ричардовна, ругаясь на чем свет стоит, убирала осколки и вялые сморщенные овощи, но едкий запах после еще долго стоял в комнате, которую женщина никогда не проветривала.

– Все хвори от сквозняков, – говорила она сыну.

Почти половину помещения занимал гигантский, до самого потолка, платяной шкаф, темный и мрачный, как гроб. Там было сложено такое количество одежды, что даже самой старушке было страшно туда заглядывать. В гардеробе хранились шубы, пальто, плащи, куртки, свитера и прочие вещи не только принадлежавшие ей, а еще и ее покойным маме и бабушке. Она специально наняла газель и съездила за их пожитками в деревню, чтобы перевезти все старье сюда. На вопрос Генриха, зачем ей это старое проеденное молью, барахло, матушка отвечала:

– Вещи хорошаи, добротнаи, таких чичас не делают, – она перекладывала все это пыльное, заплесневелое, давно потерявшее первоначальный цвет старье, из мешков в шкаф, – авось ишшо пригодятся.

А в боковом отделении гардероба на полках хранилось огромное количество нового нетронутого постельного белья. Тут было все: белоснежные простыни и наволочки, вышитые пододеяльники, нежнейшие махровые полотенца. Сама Нина Ричардовна и ее сынок спали на застиранном до дыр дрянном посеревшем бельишке, а свои огромные запасы берегла впрок, для какого-то светлого будущего, которое, судя по-всему уже никогда не настанет.

На нижней полке необъятного шкафа стояли многочисленные жестяные банки со вздувшимися мясными и рыбными консервами, упаковки с чаем и кофе, все это богатство было выпущено в 70—80 годах прошлого века и давным-давно уже пришло в негодность, но Нина

Ричардовна продолжала его заботливо хранить по причине своей просто фантастической скудости. Такие знаменитые литературные герои как Гобсек, Скрудж, Плюшкин и Скупой рыцарь, по сравнению в Ниной Ричардовной были сущими транжирами.

Старушка ничего и никогда не выкидывала. Всю свою зарплату, а теперь уже и пенсию тратила на создание все новых и новых припасов. Очевидно, она твердо верила, что когда-нибудь наступит Очень Черный День и все это ей тогда пригодится.

Даже конфетные обертки она тщательно разглаживала утюгом и собирала в особую коробочку. Клетки из-под яиц аккуратно вставляла друг в друга и складывала на кухне. Одна такая башня уже достигла потолка, зато вторая была построена еще только на половину.

Кухонные шкафы ломались от новеньких сияющих кастрюль, сковородок и ковшиков. Чайные и обеденные, ни разу не использованные сервизы, заполняли все полки. Бархатные коробки с мельхиоровыми и серебряными ложками, ножами и вилками были аккуратно сложены в углу, под пирамидой из связанных стопками старых газет. Несмотря на такое богатство и изобилие Нина Ричардовна ела из страшной отбитой эмалированной миски гнутой алюминиевой вилкой. А чай пила из настоящего музейного экспоната – солдатской жестяной кружки времен первой мировой войны.

Вся кухня была заставлена мешками с рисом, гречкой, мукой сахаром и солью. Которые приобретены недавно, а какие – двадцать лет назад, она уже не помнила.

Питалась Нина Ричардовна очень экономно. Обычно, каждую неделю она варила большую кастрюлю каши, а потом один раз в день перекладывала немного варева в свою эмалированную мисочку, разогревала на газе и ела. Этим же кормила Генриха, когда он приходил с работы. Вот и вся пища. Раз в неделю она позволяла себе неслыханную трату: приобретала немного куриных гузок. И варила из них суп. Таким изысканным лакомством она обычно угощала единственного сына по воскресениям.

В правом углу кухни пылились нераспечатанные красивые коробки с импортной бытовой техникой: кухонным процессором, миксером, соковыжималкой и кофеваркой. Нина Ричардовна время от времени любовалась на них, читала надписи на коробках, но раскрыть их так и не решилась.

Ванная комната в квартире была недоступна, она превратилась в хранилище стиральных порошков, мыла и шампуня. Тут были совершенно уникальные экземпляры, например пачка Тайда 1965 года выпуска, а еще ГДРовский антистатик «Юбилей» в высоком флаконе и еще множество моющих средств импортных и отечественных, датированных последней четвертью прошлого века. Дверь в ванну теперь нельзя было открыть, оттуда шел невыносимый концентрированный запах стирального порошка. Даже проходя мимо этой двери можно было подхватить приступ аллергического насморка.

Стены гостиной и спальни украшали коробки из-под готовых коржей для торта и обертки от шоколадных плиток. Сейчас и жить-то можно было только в одной комнате, вторая, побольше была заполнена до отказа старыми не нужными вещами, которые она перевезла сюда из деревенского дома. Там был настоящий склад ветхой, поломанной, никому не нужной мебели. Если кто-то из соседей собирался купить новый диван или шкаф, а старый при этом выбросить, то Нина Ричардовна просила, чтобы эту вещь не выкидывали, а приносили ей.

Одевалась старушка весьма и весьма оригинально. Она носила ярко-красный кремплиновый костюм с укороченными рукавами, под который поддевала теплые свитеры и фуфайки зимой, а летом легкие блузки или футболки. Круглый год на ней были толстые нитяные чулки грязно-бежевого цвета, неаккуратно свисающие складками на ее тощих кривых ногах.

Голову Нины и на улице, и в помещении украшала ярко желтая шелковая косынка с изображением олимпийского мишки и надписью "Олимпиада-80». Когда было холодно, старушка надевала поверх нее огромную вязаную шапку, в которую, для придания объема и более высо-

ких эстетических качеств она напихивала старого тряпья. Водрузив это величественное сооружение на голову, она становилась похожей на ужасного марсианина из фильма «Марс атакует», еще большее сходство придавало ее маленькое сморщенное личико со злыми, колючими глазками.

Когда в одно прекрасное утро старушка тихо скончалась, Генрих почувствовал невероятное облегчение. Схоронив матушку, как положено, мужчина первым делом занялся благоустройством квартиры. За несколько дней ему удалось вынести из жилища весь хлам. Затем Кружкин нанял бригаду отделочников, и они на старухины сбережения привели квартиру в жилое состояние. Материалы использовали недорогие, но в комнатах теперь стало светло и чисто. Часть старой мебели пришлось оставить. На новую денег не было.

Генрих твердо решил жениться, ему было нечего терять, кроме своих дешевых фальшивых цепочек и колец. Одинокая холостяцкая жизнь ему порядком надоела. Тем более, что удачный брак мог поправить его катастрофическое материальное положение. Кружкин уже несколько лет работал в кукольном театре монтировщиков сцены. В его обязанности входило перетаскивать и устанавливать декорации к спектаклям. Это не составляло особого труда, но и платили мало. Работу в театре Кружкин считал престижной и представлялся всем главным режиссером театра (не называя, какого) и театральным деятелем искусств.

– Нужно действовать как можно скорее! Подавать объявление в газету – пустой номер, там одни аферистки попадают, которые хотят устроиться в жизни за счет богатого мужа. Надо обратиться к свахе, – размышлял вслух Генрих.

На следующий день он сидел в приемной свадебного агентства, ожидая своей очереди. Толстая коротенькая сваха Елена Юрьевна попросила заполнить анкету и заплатить первоначальный взнос.

«Однако!» – подумал Генрих Валентинович, неохотно выкладывая требуемую сумму и две свежие фотографии, на которых он был снят в новом кожаном пиджаке и при галстуке, и как ему казалось, выглядел неотразимым мачо.

– Все! – сказала сваха, забирая анкету, деньги и фотографии, – вы включены в наш каталог женихов. Теперь ждите, вам позвонят, До свидания!

С этими словами, толстуха ловко выпроводила Кружкина из кабинета.

– Что-то мне все это не нравится! Подсунут мне каких-нибудь залежалых, никому не нужных невест. Вот сердцем чую!

Но отступать было поздно.

На следующий день Генрих вышел на работу, началась подготовка к новому театральному сезону. Труппа репетировала спектакль «Приключения Буратино». Кружкин жил в предвкушении многообещающих знакомств с милыми дамами и, из-за этого, был очень рассеян и невнимателен. Почти каждый день с ним случались неприятности, он ронял и ломал декорации, путал ширмы и кукол. А однажды даже умудрился отколоть длинный нос главному герою, за что и получил строгий выговор с лишением премиальных. Генрих очень расстроился. Ему очень нужны были деньги, чтобы красиво ухаживать за потенциальными невестами.

Наконец, в субботу вечером, раздался долгожданный звонок. Его приглашала на свидание первая претендентка. Условились встретиться через час в парке. Генрих решил подготовиться к судьбоносной встрече основательно. Он надел красивую белую рубашку, повязал на тощую шею розовый галстук с разводами и облачился в тот самый кожаный пиджак. Обильно полив себя духами, нацепил на кривые паучьи пальчики многочисленные кольца. Полюбовавшись своим отражением в зеркале, остался очень доволен. Вскоре он предстал перед дамой, мило улыбаясь и держа перед собой в руке, как свечку, тощий букетик гвоздик.

Внешний вид новой знакомой сразу же разочаровал Генриха. Это была маленькая, тщедушная женщина лет пятидесяти, а то и больше. Она была одета в строгий коричневый костюм.

«Ну ладно, страшна, как смертный грех, но может быть богата? Хотя по одежде этого не скажешь. Не будем делать поспешных выводов. Поживем, увидим,» – подумал Кружкин.

– Анна Петровна, – сказала женщина, протягивая руку.

– Очень приятно, для вас просто Генрих, театральный деятель искусств – любезно ответил мужчина.

– А я школьная учительница. Преподаю русский язык и литературу.

«М-да, – подумал Генрих Валентинович, – Вот это я влип! Попал как кур в ощи! Надо поскорей отсюда литься под любым предлогом.»

Они немного прошли по аллее, разговор не клеился. Вдруг Генриха осенило. Изысканным театральным жестом он дотронулся до лба и воскликнул:

– Ах, да! Прошу меня извинить, но я вынужден вас покинуть. У меня через десять минут генеральная репетиция. Что-то с памятью моей стало. Как я мог забыть!

Вежливо откланявшись, он быстрым шагом отправился к себе домой, оставив на аллее парка растерянную Анну Петровну. Пройдя шагов десять, Генрих обернулся, изящно помахал ручкой и прокричал:

– Я вам позвоню! – и скрылся за углом.

Первая неудача не охладила пыл Генриха. Он был настроен по-боевому и сдаваться не собирался. Рабочая неделя пробежала быстро. Наступили долгожданные выходные.

Генрих проснулся рано утром в субботу и пошел на кухню варить себе овсянку. Проходя по узкому коридору, наступил на швабру и сильно получил от нее по лбу. От этого потерял равновесие и сел костлявым тощим задом прямо в переполненное мусорное ведро, которое сам же с вечера приготовил на выброс. Раздались страшные ругательства. Мужчина с трудом выбрался из ловушки и, злобно матерясь, быстро собрал разбросанный мусор.

В итоге, все-таки добравшись до кухни, Генрих насыпал немного овсянки в старый алюминиевый ковшик, верой и правдой служивший ему последние двадцать лет. Половина крупы оказалась на полу и на кухонном столе. Долив нужное количество воды, поставил ковшик на огонь и принялся аккуратно помешивать варево.

В этот момент в гостиной раздался телефонный звонок. Шлепая по линолеуму громадными лягушачьими лапами, сметая все на своем пути, он добрался до телефона и судорожно схватил заветную трубку, в надежде, что это звонит очередная невеста.

– М-да, Кружкин у аппарата. Слушаю вас.

На другом конце раздался нежный тоненький голосочек.

– Здравствуйте, я от свахи, по поводу знакомства.

– Я весь внимание.

– Это Даша. Мне двадцать пять лет.

– О, вы такое юное создание. Мне не терпится с вами встретиться.

– Подходите в шесть часов к кафетерию «Фишка». Знаете, где это?

– Конечно, знаю. Я там завсегда, – беззастенчиво соврал Генрих. На самом деле, он ни разу не посещал это заведение, а просто проходил мимо.

– А как же мы узнаем друг друга, Дашенька?

– О, не беспокойтесь об этом, я сама подойду к вам.

На этом разговор закончился, и Генрих начал с беспокойством подсчитывать скудное содержимое своего роскошного бумажника, недавно купленного на распродаже. Ведь придется угостить даму хотя бы чашечкой кофе! За этим занятием он совершенно забыл о каше. Вскоре из кухни донесся резкий запах гари.

– Ах, да! Овсянка! – впопыхах бросив бумажник, он ринулся на кухню.

Картина была неприглядная. Убежавшая каша залила всю плиту, а ковшик злобно потрескивал и пускал черный дым. Генрих срочно выключил газ, схватился голой рукой

за ручку чадящего ковшика, обжегся, дико заорал и уронил посудину на пол. Черная зловонная масса растеклась по линолеуму.

– М-да, овсянка, сэр!

Уборки Генриху хватило на полдня. Позавтракать в этот день, впрочем, как и пообедать ему не удалось. Это еще раз убедило Кружкина в необходимости срочно жениться.

За час до назначенного времени тощая фигура Генриха Валентиновича уже маячила возле кафетерия «Фишка». Цветов на этот раз он не купил по экономическим причинам, помня о предстоявших затратах на угощение.

Приближался назначенный час, но никто к нему не подходил. Кружкин начал волноваться. Прошло еще полчаса, но дама так и не появилась. Генрих решил подождать еще немного. И только, когда стрелки часов показали семь, он понял, что Даша не придет.

«Да что ж такое-то! Да что ж такое-то делается-то, а! Продинамила меня! Сука, тварь! Эээ! Такого мужчину! Я к ней со всей душой, а она ко мне со всей жопой!» – выругался про себя Генрих.

Обиженный и оскорбленный, Кружкин отправился домой. Чтобы как-то себя утешить, он купил десяток пирожков с повидлом и полкило самых дешевых пряников. Придя домой, навел себе поллитровую кружку растворимого кофе, положил туда восемь ложек сахара, разложил сладости на большой тарелке и включил телевизор. Там показывали офигительный фильм про десантников. Многозначительно подняв палец к потолку, он сам себе гордо сказал:

– Спецназ! Десантура! Это вам не мелочь по карманам тырить! Забравшись с ногами на кресло, Генрих с наслаждением откусил половинку пряника и потянулся жадным ртом к кружке с кофе, как вдруг раздался телефонный звонок.

– Поесть человеку не дают, сволочи! – рассердился голодный мужчина.

Но, тем не менее, взял трубку и с важностью произнес:

– М-да, Кружкин у аппарата. Слушаю вас.

На другом конце провода раздалось звучное дамское контральто.

– Здравствуйте, Генрих! Это Маша. Желаю с вами познакомиться.

– Ой, Машенька! Я так рад, что вы позвонили, – его голос сделался елейно-приторным.

– Давайте не будем откладывать наше знакомство, а встретимся прямо сейчас.

Генрих за день очень устал и перенервничал, никуда идти не хотелось. Но вдруг его осенило. Угощение есть, кофе есть. Не пропадать же добру!

– Я приглашаю вас в гости на чашечку кофе. Вы не против?

Маша немедленно согласилась и через пятнадцать минут уже звонила в дверь.

«Надо же, какая шустрая», – подумал Генрих Валентинович и пошел открывать.

На пороге стояла внушительных размеров молодая дама с прехорошеньким ангельским личиком. В руках она держала большой торт со взбитыми сливками.

– Я вот тут подумала, нехорошо идти в гости с пустыми руками, тем более в первый раз!

Генрих обрадовался гостье, а особенно торту: «Ишь ты, какой торт, не меньше трехсот рублей тянет!».

Пышная красавица поставила торт на стол и протянула пухлую ручку:

– Маша!

– Очень приятно, для вас просто Генрих, театральный деятель искусств, – любезно ответил Кружкин, – и поцеловал ей руку.

Разговор сразу принял непринужденный характер. Генриху казалось, что он знаком с Машей уже тысячу лет. Пожирая огромные куски торта, подливая себе и милой даме кофе, он еле сдерживался от желания сделать ей предложение прямо сейчас. Маша, казалось, тоже была очарована новым знакомым. Они проболтали до полуночи, а затем Генрих отправился ее провожать.

– Не надо, не провожайте, я вызову такси, – пробасила красавица, доставая из сумочки дорогой мобильник.

– Позвольте мне оплатить такси, – поддавшись внезапному порыву, сказал Генрих, ужаснувшись в душе собственной щедрости.

– Ну что вы, это такие пустяки! У меня много денег, – простодушно ответила Маша.

В ту ночь Генрих не мог заснуть от внезапно свалившегося на него счастья. Радужные картины из будущей семейной жизни проплывали перед ним: вот Маша подает ему на блюде огромного, прекрасно зажаренного индюка с хрустящей корочкой и гарниром. А вот они плещутся в теплом море, затем нежатся на белом коралловом песке, попивая ананасовый сок, а вот едут в дорогом автомобиле, а он, Генрих, за рулем.

– Вот она, Дольче Вита – сладкая жизнь! То, о чем я мечтал с раннего детства! – сказал он сам себе и быстро выскочил из постели, чтобы доесть остатки роскошного торта.

Генрих и Маша стали встречаться каждый день. Он щедро потчевал ее байками из героического военного прошлого, хотя сам никогда не был в армии по причине сильного плоскостопия, а все свои подвиги черпал из остросюжетных фильмов. А она верила каждому его слову и закармливала разными вкусностями.

Наконец, настало время, когда Маша захотела познакомить его со своей семьей, а Генрих решил попросить ее руки на званом обеде. Кружкин снял со своей сберкнижки последние пять тысяч рублей, купил недорогое, но очень красивое золотое колечко в бархатной коробочке и огромный букет красных роз. Жаба давила его.

«Ничего, – мысленно утешал он себя. – Все окупится сторицей!»

Обед был назначен на три часа. Для пущей важности Генрих Валентинович заказал такси и отправился в коттеджный поселок, где жила семья Ватрушкиных.

Кружкина поразили размеры и красота дома, в котором жила его возлюбленная. На пороге его встретила румяная, улыбающаяся Машенька в розовом шелковом платье, подчеркивавшим каждую складку ее гигантского тела и изящных туфельках на шпильках. Она была похожа на породистую свиноматку. Генриху казалось, что один из каблуков обязательно подломится, и красавица рухнет всей своей массой на красивый паркетный пол. Поэтому он заботливо подхватил ее под руку, и они вместе прошли в гостиную, где за богато сервированным столом сидело семейство Ватрушкиных.

Это была династия потомственных толстяков, отличавшихся добротой и веселым нравом. Во главе стола восседала невероятных размеров бабушка Матрена Ивановна. Она приветливо улыбалась, сверкая золотыми зубами. Слева от нее расположился ее сын, Владимир Олегович: лысый, краснолицый, с большой окладистой бородой и веселыми маленькими глазками. Но толще всех была мама, Екатерина Львовна. В доме не нашлось стула, на котором бы уместились ее необъятные формы, и она восседала на специальной просторной банкетке. Рядом с мамой тихонько сидел младший братишка Машеньки Антоша, мальчик лет восьми с кудрявой белокурой головой. Щеки ребенка были румяны, и казалось, что вот-вот они лопнут с жиру. В общем, он напоминал сильно располневшего купидона.

При появлении молодых, вся семья, с грохотом отодвигая стулья, встала, приветствуя их громкими возгласами. Генрих Валентинович, церемонно раскланиваясь, преподнес мамочке свой роскошный букет и поцеловал ее огромную, толстую лапу. Она растрогалась, застеснялась и тихонько захихикала басом. Затем Кружкин торжественным театральным жестом вынул бархатную коробочку и, преклонив колена, преподнес Машеньке золотое колечко. У всех на глазах выступили слезы миленья.

– Ах, какой мужчина, внученька! – восхитилась бабушка.

– Уважаемые Екатерина Львовна и Владимир Олегович! – начал он значительным голосом, – в этот торжественный день я хочу попросить руки вашей прелестной дочери! Обязуюсь быть ей идеальным мужем и носить ее на руках!

Насчет «носить на руках» Генрих явно погорячился, Машенька весила сто сорок килограммов, ровно в два раза больше него самого. Но чего не скажешь ради красного словца! Владимир Олегович и его супруга благосклонно выслушали будущего зятя и полностью одобрили его слова.

– По такому случаю предлагаю выпить. Первый тост: за знакомство! – торжественно произнес папаша, разливая пятизвездочный коньяк по красивым хрустальным рюмкам.

Все удобно уселись и с наслаждением выпили. Исключение составил только Кружкин. Он поднял бокал и поставил его на место.

– Как?! – хором воскликнула вся семья, – вы не хотите выпить за знакомство? – добавил папаша.

– Извините меня, Владимир Олегович, но я вообще не употребляю спиртные напитки.

– Что так? – удивилась мамаша, – у вас проблемы со здоровьем?

– Нет, что вы, это принципиальный вопрос. По морально-этическим соображениям.

– Вот, Машенька, как тебе повезло. Такой интеллигентный мужчина, да еще и не пьет! – восхитилась бабушка.

– Смею заметить, что я еще и не курю. И вообще, идеальный мужчина во всех отношениях.

Все сидящие за столом дружно зааплодировали. Кружкин, почувствовав себя героем дня, решил взять инициативу в свои руки. Он долго и нудно разглагольствовал о морали и нравственности, а также о катастрофических падениях нравов среди современной молодежи. Устав от длинной тирады, Генрих Валентинович решил немного подкрепиться, тем более что стол ломился от яств. Машенька любезно пододвинула к нему блюдо с гусем и вазочку с черной икрой. Кружкин быстро наложил себе полную тарелку дорогого деликатеса и начал намазывать бутерброды один за другим. Покончив с икрой, он принялся за гуся. Тем временем папаша провозгласил второй тост:

– За молодых!!!

Все радовались, чокались, а Кружкин пил только ананасовый сок. Он вошел во вкус и пожирал яства одно за другим, почти не слушая то, о чем говорилось за столом. Семейство с восхищением, а затем и с неподдельным ужасом наблюдало за этим процессом. Когда, наконец, все тарелки с угощениями вокруг Кружкина опустели, он удовлетворенно вздохнул и откинулся на спинку стула: «М-дя, – думал он, – давненько я так не угощался. Вот это я удачно зашел! Кажется, я нашел то, что искал!»

Мило улыбнувшись, он нежно поцеловал пухленькую ручку Маши.

Все суетились вокруг жениха, старались сказать что-нибудь ободряющее и приятное. Вскоре все перешли в малую гостиную пить кофе со сладостями. На столе стоял огромный торт, на вазочках вокруг него были разложены замечательные пирожные и дорогие конфеты. При виде такой роскоши, у Кружкина снова разыгрался волчий аппетит. Кофе подали в маленьких золоченых чашечках. Он был восхитителен, но Кружкин привык пить этот напиток поллитровыми кружками. Поэтому все время просил подлить еще и еще. Кончилось тем, что Маша сбегала на кухню и принесла ему полный кофейник.

А разговоры о свадьбе продолжались. Ее назначили на следующий месяц. За это время нужно было многое успеть: подать заявление в загс, купить свадебные наряды для новобрачных, составить список приглашенных.

Ушел домой Кружкин далеко за полночь, сытый, счастливый и окрыленный.

Машенька и ее мама еще два часа обсуждали, где и какое свадебное платье выбрать для церемонии.

На другой день Маша с Генрихом Валентиновичем подали заявление в загс.

А еще через день заказали свадебное платье.

Наконец настала очередь Генриха. Влюбленные отправились по магазинам подобрать что-нибудь пошаркачее для жениха. Тут Генрих со слезами признался Маше:

– Милая, мне очень стыдно тебе это говорить, но в последнее время я много истратил, и у меня совсем нет денег на покупку костюма.

На что невеста ответила:

– Какие пустяки. Мне папаша выдал приличную сумму на свадебные расходы. Я думаю, что нам хватит на все.

При этих словах Кружкин повеселел и взбодрился.

Они отправились в магазин мужской одежды «Лондонский денди». Надо сказать, что размер у Генриха Валентиновича был сорок шестой, причем как одежды, так и обуви. Подобрать костюм было несложно, но красивые туфли сорок шестого размера оказалось достать проблематично. Им пришлось обойти несколько обувных салонов, прежде чем подобрали подходящую пару.

Свадебную церемонию решили провести в особняке. Бабушка и мама сказали, что в ресторанах и кафе слишком плохо готовят и усердно принялись составлять праздничное меню. Со стороны Ватрушкиных были приглашены многочисленные толстые родственники и несколько знакомых, в основном машины подружки. А Генрих Валентинович, как ни ломал голову, не мог вспомнить даже пару своих приличных знакомых. Большинство его школьных дружков к этому возрасту уже стали бомжами и алкоголиками со стажем, а те, кто хорошие и работающие, разъехались по всей стране, и он потерял с ними связь.

– Ах, да! – вдруг вспомнил Кружкин, – ведь есть еще супруги Шприц, с которыми я познакомился на отдыхе. Думаю, Демид Уколович не откажется быть моим свидетелем, хотя мы и поссорились.

Вскоре Генрих уже звонил по мобильнику в Москву. На другом конце слышался козлиный голосок Шприца:

– Але, Генрих, это вы? Какими судьбами! Вот уж не ожидал услышать вас!

– Мое почтение, Демид Уколович! Жизнь не стоит на месте! И звоню я вам по особому случаю. В моей судьбе наступил торжественный момент: я решил связать себя священными узами брака!

– Мои поздравления, дорогой Генрих! Давно пора, давно! Невеста-то хороша?

– Красавица, сущий ангел! Не окажете ли вы мне такую великую честь: мы с Машенькой слезно просим быть свидетелем на нашей свадьбе. Жду также и вашу супругу.

– Разумеется, всенепременно будем-с.

И вот наступил знаменательный день. После церемонии в загсе молодые принимали гостей в особняке Ватрушкиных. К дому подъезжали машины, одна за другой. Из них выходили веселые и нарядные гости.

Сначала торжественно вошел брат хозяина с супругой: такие же толстенькие, как и Владимир Олегович и его семейство. Они преподнесли молодым в подарок путевку на Мальдивы. Такому подарку все гости бурно обрадовались. Далее шли многочисленные родственники Ватрушкиных с различными дорогими дарами, кроме того, было много букетов и коробок с конфетами.

Затем появился доктор Шприц с женою. Их встретили восторженными аплодисментами, супруги выглядели чрезвычайно живописно. На Демиде Уколовиче была фрачная пара и блестящие лакированные штиблеты на высоких каблуках. Но, несмотря на эти ухищрения, он едва доставал до плеча своей дородной супруги, одетой в открытое бархатное платье. Ее могучую шею обвивало экстравагантное розовое боа из страусиных перьев, стоившее две докторских зарплаты. Чета Шприцев преподнесла молодым обеденный сервиз на шестнадцать персон. Шофер такси и специально нанятый грузчик с трудом втащили коробки с посудой в гостиную. Доктор Шприц, широко улыбаясь, обнял Генриха и трижды облобызал его.

– Дорогой друг, как я счастлив за вас! Совет вам да любовь!

Затем он склонился над ручкой невесты, нежно сжал и поцеловал ее, и, подняв глаза, встал на цыпочки, чтобы получше рассмотреть молодую. Старик восхищенно произнес:

– Настоящая царь-девица!

Генриху все эти высказывания доктора очень понравились, они возвышали Кружкина в глазах окружающих: «Как я хорошо придумал пригласить на свадьбу Шприцев! Очень удачный ход, Генрих Валентинович,» – восхитился мужчина сам собой.

После поздравлений все гости уселись за стол. Началось шумное застолье, и был пир на весь мир! Шампанское лилось рекой, обслуга, приглашенная из ресторана, разносила роскошные блюда. Все были очень довольны и больше всех – Генрих Валентинович.

На другое утро семья провожала молодых в свадебное путешествие.

Пока Генрих с молодой женой развлекался на курорте, в семье Ватрушкиных произошли необратимые изменения. Бизнес Владимира Олеговича потерпел крах. Его обокрал партнер по бизнесу – родной брат Валерий. Он оставил огромные долги и непогашенные кредиты в нескольких банках. Владимир Олегович потерял всю свою собственность: дорогой автомобиль, шикарный особняк и всю мебель в доме описали приставы. Ватрушкины остались почти голыми, всего с тремя чемоданами. До возвращения молодых они проживали у сердобольных соседей. О несчастье, постигшем семью, молодоженам не сообщили, чтобы не портить медовый месяц.

Счастливые, довольные и загорелые Генрих и Маша вернулись в квартиру Кружкина. Разбирая чемоданы с подарками и сувенирами с островов, Генрих, без умолку болтал, посвящая Машеньку в планы будущего евроремонта, который Генрих запланировал на ближайшее время:

– Так вот, Машенька, все, что ни делается, все к лучшему! То, что меня уволили с работы, несомненно, пойдет на пользу для общего дела. Будет, кому следить за ремонтом и руководить рабочими. Так вот, эту стеночку мы снесем нафиг, а здесь построим новую. И запомни, милая, никаких обоев! Это позапрошлый век! Только венецианская штукатурка! А эти двери мы вообще уберем, сейчас так не модно, установим арочку! От кого нам закрываться? Ведь мы одни в квартире!

В этот момент раздался длинный тревожный звонок в дверь. Машенька было кинулась открывать, но Генрих ее остановил, и со словами:

– погоди, я сам открою! – распахнул дверь.

На пороге стояли четыре жалкие фигуры с тремя чемоданами.

– А, милости просим! Вы в гости? Как раз во время! Мы собираемся пить чай.

– Нет, Геночка, мы не в гости, мы насовсем. Жить теперь тут будем.

– Да что ж такое-то! Что случилось? – удивился Генрих, а сам подумал: «Вот так номер, чтоб я помер!».

Он все еще не мог поверить в случившееся и держал их на пороге, не впуская в квартиру.

Смущенные Ватрушкины переминались с ноги на ногу и были похожи на бедных родственников, коими они теперь и стали.

– Сынок, мы потеряли все, мы нищие теперь и бездомные! Просим приюта и милосердия у вас с Машенькой. Мой родной братец ограбил меня! – объяснил Владимир Олегович.

– Ну что ж поделаться-то, проходите, располагайтесь. В тесноте, да не в обиде!

Все уселись пить чай за круглым столом в гостиной. Во время чаепития семейство Ватрушкиных поведало обо всех своих злоключениях. Толстая мама плакала и сморкалась, размазывая тушь по огромным дряблым щекам. Бабушка Матрена причитала:

– От суммы да от тюрьмы не зарекайся! Хорошо, что Машенька успела выйти замуж за мужчину с квартирой, а то жили бы мы на улице, стали бы бомжами!

Только Владимир Олегович сохранял бодрость духа и спокойствие.

– Ничего, – говорил он, – где наша не пропадала! Найду какую-нибудь работенку! Прокормимся!

А Генрих Валентинович сидел грустный и подавленный. Все его мечты о сладкой жизни развеялись как сон, как утренний туман.

«Эх, – думал Генрих, – видно я погорячился, уйдя из театра. Так ведь сами виноваты, не хотели отпуск давать! Премьера у них, видите ли! Не мог же я от поездки на Мальдивы отказаться! Ведь в первый и, увы, в последний раз в жизни! Обрато теперь не возьмут! Такое место потерял! Эх, рано я радовался! Думал, буду жить в шоколаде, а теперь сижу в полном дерьме! Вот как оно обернулось! Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал!»

После чаепития Матрена Ивановна убирала со стола, а семейный совет решал, кто и где будет спать. Генрих с молодой женой заняли крошечную десятиметровую спальню, в гостиной разместили сразу трех толстяков: папу, маму и Антошу. Бабушка оккупировала кухню и объявила ее своей суверенной территорией.

На оставшиеся от поездки деньги срочно приобрели кушетку для бабушки и кресло-кровать для младшего братишки. Владимир Олегович с супругой с трудом разместились на дряхлом раскладном диване, оставшемся еще от матушки Генриха.

Вот так и зажили: тесно, но весело. Нерадостно было только одному Генриху. Вскоре он устроился грузчиком в магазин «Интерьер», торговавший отделочными материалами и хозяйскими товарами. Работа оказалась тяжелая, мало оплачиваемая и непрестижная. Но ничего лучше ему найти не удалось.

Владимира Олеговича из-за возраста взяли только дворником в домоуправление, но он был доволен и этому, весело махал метлой, сгребая в кучу осенние листья.

Екатерина Львовна нашла место вахтерши в музыкальной школе, где Антоша обучался игре на аккордеоне. Маша, которая раньше вела бухгалтерию в папиной фирме, теперь устроилась продавцом на рынок. Хозяйка иногда разрешала брать ей просроченные продукты, чему очень радовалось все семейство.

Бабушка вела домашнее хозяйство. Она с утра до ночи готовила, убирала и обстирывала большое семейство.

Теперь, когда усталый и злой, как черт, Генрих приходил с работы и хотел по обыкновению полежать у единственного в квартире телевизора, то все лучшие места уже бывали заняты. Теперь он не мог даже посмотреть свои любимые фильмы про десантников и спецназовцев, потому что пультом всецело владела Екатерина Львовна, а она предпочитала слезливые мелодрамы и бесконечные сериалы.

Так получилось и в этот день. Диван и оба кресла занимали толстые фигуры Ватрушкиных. Мама, папа, бабушка и внучек увлеченно смотрели «Жаркий лед». Машенька хлопотала на кухне, разогревая для мужа остатки обеда.

Генрих Валентинович, тяжело вздохнув, уселся прямо на старенький коврик, устилавший пол и вытянул свои длинные, усталые ноги.

«М-да, – думал Кружкин, – права была мамочка! Не надо было мне жениться! Теперь в собственном доме я чувствую себя лишним! Тяжела ты, шапка Мономаха, но мы в ответе за тех, кого приручили!»

Невеселый ход его мыслей прервала огромная тарелка с дымящимся пловом, которую ему преподнесла прибежавшая с кухни Машенька. С наслаждением втягивая аромат горячей пищи и глядя на улыбающееся розовое личико своей супруги, Генрих сразу же повеселел и подобрел, он подумал: «Все не так уж плохо! И в моем теперешнем положении можно найти приятные стороны!».

История третья. А не гульнуть ли нам? или Каждый мужчина имеет право налево

Утро выходного дня началось, как всегда, весело – со скандала. Бабушка, побывав в местах общего пользования после Генриха Валентиновича, завела утреннюю проповедь.

– Уважаемый Генрих Валентинович, – начала старушка. – Вы знаете, что интеллигентность заключается не в искусстве красиво завязывать галстук, а, прежде всего, в умении пользоваться туалетом! Если вы побреетесь, то вся раковина засыпана мелкими волосками, если умоетесь, то весь пол залит водой, не говоря уже об унитазе, который вы за собой никогда не смываете! Мама в детстве не научила вас пользоваться ершиком?

– М-да!!! Да что ж такое-то! Да как вы смеете оскорблять память моей матушки?! Да и, вообще, это был не я!

– А кто же тогда? Владимир Олегович носит бороду, а маленький Антоша еще не бреется! И вообще, как вам известно, они вместе с мамой еще вечером укатили на дачу к знакомым. Так что ж, по-вашему, это я побрилась, залила пол и загадила унитаз? А, может, это мои носки висят на трубе и смердят, как дохлая кошка?!

– Не исключено! И вообще прекратите выдвигать против меня эти гнусные инсинуации! Не пойман – не вор!

В этот момент на их крики прибежала Машенька и позвала завтракать, тем самым, заглотив конфликтную ситуацию.

За завтраком Генрих Валентинович обычно съедал не менее десяти бутербродов и выпивал две полулитровые кружки крепчайшего приторного кофе.

Откусывая громадные куски хлеба, щедро намазанного маслом, он прокручивал в уме планы мести разбушевавшейся бабушке. «За что боролся, на то и напоролся! Пригрел змеиное гнездо в своей квартире! Не было печали, черти накачали!» – размышлял он.

После еды Кружкин удобно расположился на диване со свежим номером газеты «Из рук в руки». Делая вид, что читает, Генрих Валентинович на самом деле обдумывал свой коварный план: «Подсыпать бы им всем яду! Нет, нет, это слишком рискованно, можно сесть на всю жизнь! Нельзя губить свою молодость таким образом! А если ночью придушить зловедную старуху подушкой? Нет, она начнет орать и перебудит весь дом! Не пойдет! М-дя! О! Эврика! Надо столкнуть старую кошелку с лестницы! Она покатится по ступенькам, как мешок с дерьмом, переломает себе все кости и подохнет в страшных мучениях!» Он представил себе эту приятную картину и блаженная улыбка растянула его лягушачий рот до ушей.

Машенька, заметив его улыбку, спросила:

– Милый, что ты вычитал такое смешное в этой газете?

– Да так. Анекдотец смешной попался! – выкрутился Генрих Валентинович.

– Ну-ка прочитай мне! Я тоже хочу посмеяться.

– Так вот, слушай, – произнес он, открывая последнюю страницу газеты, – Доктор говорит больному: «Что-то вы мне не нравитесь!», а пациент ему отвечает «Знаете, доктор, да и вы не такой уж красавец!».

Маша захихикала:

– И, вправду, смешно!

В это время Генрих Валентинович заметил, что бабушка куда-то собирается. Она накрасила губы ярко-розовой помадой, нацепила прямо поверх халата старомодный плащ и повязала на голову позитивную, апельсинового цвета косынку.

– Вы куда-то собрались, Матрена Ивановна? – поинтересовался Кружкин добрым голоском, делая вид, что не помнит недавнего конфликта.

– Ясное дело, в холодильнике мышь повесилась, хоть шаром покати! У нас в доме не люди, а саранча какая-то, гусеницы прожорливые! Сколько продуктов ни купи, все одно – на вас не напасешься! Вот, иду в супермаркет!

– Ах, да! Позвольте вас сопровождать. Мне хотелось бы загладить утренний инцидент. Я помогу нести вам покупки, в вашем возрасте непозволительно поднимать тяжести, – с лжи-

вой заботливостью сказал Генрих Валентинович, а сам подумал: «Вот оно! Воплотим планы в жизнь, сделаем сказку былью! Избавимся от слабого звена!».

Старушка была приятно удивлена. Она не ожидала подвоха и подумала, что в Генрихе наконец-то проснулась совесть.

Они вышли за дверь и начали медленно спускаться по лестнице. Кружкин шел немного сзади, все время примеряясь, как бы половчее толкнуть старушку. Он так увлекся своим планом, что совсем не смотрел под ноги. Генрих уже тянул свои длинные руки со скрюченными паучьими пальцами к спине ничего не подозревавшей Матрены Ивановны, как вдруг все померкло в его глазах, и что произошло, он понял только когда очутился распластанным в позе морской звезды на лестничной площадке. Старуха с воплями и причитаниями спешила на помощь к потерпевшему. Оказывается, увлекшись исполнением своего коварного плана, Генрих не заметил банановой кожуры, брошенной кем-то на лестнице. Осознав, что произошло, Генрих открыл пасть и зашипел:

– Ээээээ! Суки! Твари! Понакидали всякой дряни, а потом честные люди себе ноги-руки ломают!!!

– Геночка! – суетилась Матрена, – ты цел, ничего не сломал? Вставай, вставай, я тебе помогу. Обопрись на меня. Вот так! Потихоньку пойдем...

Бабушка еле доволокла умирающего Кружкина до квартиры и сгрузила на диван. На самом деле Генрих Валентинович ничего себе не сломал, отделался только легкими ушибами и испугом. Но стонал и причитал, притворяясь, что у него и сотрясение мозга, и спина переломана, и ноги не ходят.

За покупками отправили Машу, а бабушка провела весь день возле страдальца, делала ему припарки и поила травяными чаями. Мадам Кружкина принесла из супермаркета две сумки продуктов и огромный ореховый торт, специально для больного.

«Вот это жизнь!» – думал Генрих, пожирая огромные куски торта и запивая его горячим кофе, вот так бы каждый день! Но план избавления от старухи придется пока отложить на неопределенный срок, уж очень она старалась для меня. Как жаль, что завтра на работу!»

Рабочая неделя протекала, как обычно: нудно, скучно, пыльно, грязно... А в пятницу, в конце дня к Генриху подошел Панас Жук – водитель «бычка», который возил товар в магазин. Это был маленький, но очень плотный мужчина лет пятидесяти, с загорелой лысиной и длинными, обвисшими усами а-ля Тарас Бульба. Он обладал чрезвычайно живой и деятельной натурой и всегда был чем-нибудь занят. Жук то, весело матерясь, копошился в моторе своего многострадального «бычка», давал ценные указания грузчикам или активно ухаживал за молоденькими продавщицами. Боялся он лишь завскладом – Марину Адольфовну. Эта маленькая, но очень властная женщина с мощным командным голосом наводила ужас не только на шофера, но и на весь персонал магазина, за что и получила прозвище «Гитлер в юбке».

Жук, вальяжно покачиваясь, подошел к Генриху.

– Ну что, Валентинович? Как жизнь молодая? У меня, понимаешь ли, карбюратор барахлит, хоть ты тресни. Уж я его и так, и эдак, и туды его растуды, – тут он добавил длинное нецензурное выражение – а он, сука, все барахлит и барахлит, мать его! Но не будем о грустном. Сегодня пятница! А не гульнуть ли нам? Как ты на это смотришь, дружище?

– М-да! А почему бы и нет? Как говорят французы, каждый мужчина имеет право налево! – радостно подхватил Генрих. Ему уже давно надоела размеренная семейная жизнь, и захотелось острых ощущений.

– Мне-то все равно, у меня никого, все на дачу укатили, до самого понедельника! Фатера свободная, гуляй – не хочу! А ты-то молодой жене что скажешь?

– А чего? Скажу, что фура с гипсокартоном из Питера приехала, всю ночь разгружали, а ты подтвердишь, если что!

– Не бойсь, братан, за мной не заржавеет!!!

– А куда же мы направимся, дорогой друг? Есть ли у вас какие-нибудь мысли на этот счет?

– А то! Знаю я одно местечко! Там такие цыпочки! Собирайся. Я сейчас тоже поброюсь в сортире, надушусь освежителем воздуха и как огурчик! Готов к труду и обороне!

«Тоже мне, огурчик, желтяк перезревший! Не то, что я – мужчина в самом соку! – подумал Кружкин, разглядывая себя в маленьком карманном зеркальце. Собственное отражение очень нравилось Генриху Валентиновичу. Недавно мужчина начал отращивать небольшую бородку, и был уверен, что она ему очень идет: ни дать, ни взять – Антон Павлович Чехов! Настоящий русский интеллигент, человек умственного труда».

Он переделался из рабочего комбинезона в штатскую одежду, восхитился собственной прозорливости: именно сегодня надел свой любимый кожаный пиджак и повязал розовый галстук, как сердцем чувствовал!

Тут из туалета вышел довольный и источающий неповторимый аромат морской свежести, Панас.

Вскоре друзья уже ехали в переполненном автобусе.

– Кинотеатр «Центральный», – объявил скрипучий голос диктора.

– Все, выходим, – засуетился Жук и стал пробиваться к дверям, с трудом таща за собой Генриха сквозь людские джунгли.

– Идем скорее, у меня тут сеструха двоюродная вахтершей работает, пропустит нас бесплатно, – шептал Панас Кружкину на ухо.

На дверях кинотеатра красовался яркий, нарисованный акварелью плакат: " У нас сегодня дискотека для тех, кому за тридцать! Стоимость билета – сто пятьдесят рублей, пенсионерам и школьникам – скидка! »

Сеструха-вахтерша, кокетливо улыбаясь, пропустила Жука и Кружкина в большое, плохо освещенное фойе. Обстановка была скромная, чтобы не сказать – жалкая. В самом дальнем углу располагалась барная стойка, возле которой толпились несколько дам пенсионного возраста и два тощих подростка. Вдоль стен стояли узкие деревянные скамейки. На одной из них сидел совсем древний, реликтовый старичок в вязаной мохеровой безрукавке, рядом у стенки стоял его костыль. Громко играла музыка, но никто не танцевал. Народу было мало. Заметив недоуменный взгляд Генриха, Жук пояснил:

– Погоди, еще рано, вечеринка даже не началась, сейчас народ подтянется и такое будет! Веселуха! Ух!

«М-дя, – подумал Генрих Валентинович, – зря я с этим Жуком-навозником связался, сразу видно, что он человек не моего круга!»

Тем временем народ собирался. В основном, это были женщины, правда не во вкусе Генриха – уж очень пожилые и не интеллигентные. Вскоре все скамейки уже были заняты перезревшими красавицами, активно выискивающими глазами хоть какого-нибудь, пусть самого заухдалого, мужичка.

Вдруг музыка перестала звучать, и в фойе дали полный свет. Сияя обольстительной улыбкой на середину величественно вышла ведущая, «наша Ируся», так называли ее всегда.

Это была необычайно маленького роста пожилая женщина, с ярко раскрашенным кукольным личиком, нарисованными губами и бровями, нарумяненными щеками. Ее коротенькие ножки были обуты в удивительные туфли на невиданной толщины платформах, так Ируся пыталась, хоть немного, добавить себе росту. Длинное, черное в блестках и стразах платье, облегало ее крошечное тельце, а голову венчал пышный, кудрявый парик, изображавший естественную копну каштановых волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.